
pocket**book**

rocket**book**

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

*Повесть
о Ходже Насреддине
Очарованный принц*

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

В книге сохранены авторские
орфография и пунктуация.

Оформление серии *А. Саукова*

В оформлении обложки использована
репродукция картины «Мулла Керим и мулла
Рахим по дороге на базар ссорятся» (1873)
художника В. В. Верещагина (1842—1904 гг.)

Соловьев, Леонид Васильевич.

С60 Повесть о Ходже Насреддине ; Очарованный
принц / Леонид Соловьев. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 416 с.

ISBN 978-5-699-86647-2

Леониду Соловьеву (1906—1962) удалось создать полное юмора и лукавства повествование о приключениях знаменитого героя восточных преданий, мудрых историй и анекдотов. Так народный эпос Востока, существующий в виде баек и анекдотов, перешел в разряд высокой литературы, полюбившейся читателю. «Очарованный принц» — это продолжение полюбившейся читателям всех возрастов книги о мудреце и острослове Ходже Насреддине. Она рассказывает о приключениях героя в горах Ферганы и в Коканде. Насреддин по-прежнему верен себе: он борется со злом, помогает слабым и беззащитным, восстанавливает справедливость.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86647-2

© Соловьев Л.В., наследники, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Много странствовал я в разных краях земли; я побывал в гостях у многих народов и срывал по колоску с каждой нивы, ибо лучше ходить босиком, чем в тесной обуви, лучше терпеть все невзгоды пути, чем сидеть дома... И еще скажу: на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь: друг, прошлогодний календарь не годится сегодня!..

Саади

Ученые мудрецы минувших веков оставили в наследство миру множество книг, дабы факелом своих знаний освещать нам, живущим сейчас, извилистые и опасные пути нашей жизни. В этих книгах можно прочесть обо всем: о войнах и землетрясениях, о чудесах и пророчествах; каждая страница украшена именами шейхов, калифов, непобедимых воинов и прочих прославленных мужей земли; об одном только человеке ничего, ни единого слова, не сказано в этих книгах — о Ходже Насреддине, хотя и был он знаменит на весь мир. Подобное упущение со стороны мудрецов не удивляет нас. В те далекие годы нередко случалось, что иной мудрец сеял в своей книге семена богатства и почета, но пожинал — увы! — одни только неисчислимые бедствия. По этой причине мудрецы были крайне осторожны в словах и мыслях, что видно из примера благочестивейшего Мухаммеда Расуля-ибн-Мансура: переселившись в Дамаск, он приступил к сочинению книги «Сокровище добродетельных» и уже дошел до жизнеописания многогрешного визиря Абу-Исхака, когда вдруг узнал, что дамасский градоправитель — прямой потомок этого визиря по материнской линии.

«Да будет благословен аллах, вовремя ниспославший мне эту весть!» — воскликнул мудрец, тут же отсчитал десять чистых страниц и на каждой написал только: «Во избежание», — после чего сразу перешел к истории другого визиря, могущественные потомки которого проживали далеко от Дамаска. Благодаря такой дальновидности указанный мудрец прожил в Дамаске без потрясений еще много лет и даже сумел умереть своей смертью, не будучи вынужденным вступить на загробный мост, неся перед собою в руке собственную голову наподобие фонаря.

Книги молчат о Ходже Насреддине. Тяжелый камень запрета лежал в те годы на его имени. Так повелели могущественные властелины — калифы, султаны и шахи, в надежде отомстить ему хотя бы в последующих веках, лишив его посмертной славы. Но спросим: удалось ли им достичь своей цели? Старая история, одна и та же во все времена, — сказано об этом у Сельмана Саведжи: «Достойный прославится, хотя бы все вихри объединились против него!»

Ибо есть одна книга, над которой не властны калифы: память народа. В этой великой книге и обрел Ходжа Насреддин свое бессмертие.

Есть в городе Ходженте, на берегу Сыр-Дарьи, обширный пустырь, где никто не селится и не разводит садов, потому что река в этом месте поворачивает, бьет под берег и ежегодно смывает его на три-четыре локтя. Река смыла пустырь уже до половины и вплотную подошла к могучему карагачу, одиноко растущему здесь, обнажив с одной стороны его узловатые грубые корни, сбегаящие по глинистому обрыву к воде. Открытый солнцу, в изобилии снабженный влагой, карагач раскинулся широко и зеленеет густо, затмевая пышностью соседние деревья, что жалкой кучкой сбились в отдалении, у пыльной большой дороги. Тонимые жаждой, палимые зноем, они слабо шелестят

хилой, изможденной листвою и, подобно многим ничтожным людям, злобно завидуют счастливому гордецу. «Ничего, — думают они, — река еще подмоет берег, на котором он держится, и, потеряв опору, он рухнет и уплывет по течению, чтобы сгнить бесславно где-нибудь на песчаной отмели. А мы будем стоять здесь по-прежнему, воссылая благодарность судьбе, возрадившей нас вдали от реки; пусть некрасива наша редкая листва, бессильная укрыть путника прохладной тенью, пусть осыпает нас горячая пыль с дороги, а наши корни теснит сухая и жесткая почва, — мы довольны и не хотим иной участи, ибо стремления порождают опасности, чему примером — гордый карагач!»

Они ошибаются: карагач не рухнет в реку и не уплывет по течению. Вода смывает лишь все мелкое, хилое вокруг него, но не преодолет его могучего корня, ушедшего в землю глубоко, под самое дно. Карагач удержится на берегу, и та же река, что подмывала его, нанесет плодородного ила к нему, и он, укрепив собою берег, будет зеленеть еще долго, все шире раскидывая свою могучую литую крону, в то время как те, стоявшие в отдалении, уже отдадут свою жалкую жизнь огню в очагах... И даже когда облезет вся его кора, высохнет древесина и прекратится движение соков в стволе, его не срубят и не распилят на дрова, а обнесут красивой оградой и будут показывать захавшему в Ходжент путнику, говоря: «Вот карагач, посаженный и возвращенный самим Ходжой Насреддином!»

И еще узнает путник, что населенная лепешечниками ходжентская слобода Раззок (что значит «Податель насущного хлеба») имеет в народе второе название: слобода Ходжи Насреддина, потому что именно здесь, по преданию, стоял в минувшие времена его дом. Ходжентцы расскажут путнику, что в горах, по дороге в Ашт, есть озеро Ходжи Насреддина; на бере-

гу его расположено маленькое селение Чорак; в этом селении есть чайхана Ходжи Насреддина, а в чайхане под крышей живут воробьи Ходжи Насреддина — потомки одного знаменитого воробья, о котором речь впереди. Там же есть пещера со странным названием: «Обиталище благочестивого вора», есть арык Ходжи Насреддина, мостик Ходжи Насреддина — словом, все дышит здесь его памятью, как будто он уехал отсюда на своем ишаке только вчера.

Облачившись в халат усердия и вооружившись посохом терпения, мы посетили все эти места. Мы ночевали под многими кровлями, грелись у многих костров, беседовали о Ходже Насреддине со многими людьми; судьба благоприятствовала нам в поисках, — и вот сегодня мы открываем еще одну страницу его жизни и говорим вслед за мудрейшим Ибн-Туфейлем: «Да послужит эта история поучением тому, кто имеет сердце, или кто внимает и видит...»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

После этого купец с женой отправились в дальний путь. Они ехали долго, пересекая горы и степи, моря и пустыни, в полдневный зной и на заре; аллах сохранил их в пути, и на тринадцатый день они достигли города Басры...

«Тысяча и одна ночь»

Глава 1

Покинув Бухару, Ходжа Насреддин со своей женой Гюльджан направился сначала в Стамбул, а оттуда к арабам. Он возмутил спокойствие поочередно в Багдаде, Медине, Бейруте и Басре, привел в необычное смятение Дамаск, потом завернул мимоходом в Каир, где на короткое время занял должность главного каирского судьи. Кого и как он судил — мы не знаем; достоверно известно только одно — что потом Ходжу Насреддина искали и ловили по всему Египту целых два года. Он же был в это время далеко — в иных землях, на иных дорогах.

Вечный бродяга, он нигде не останавливался надолго; с рассветом заседывал он ишаков — белого для Гюльджан, серого для себя — и снова пускался в путь, все вперед, и все дальше, каждый день меняя ночлег. Утром его леденил мороз и заносила метель на горном снеговом перевале, в полдень недвижный зной каменных ущелий сушил его губы, вечером он вдыхал благоуханную свежесть долины и пил из арыка мутную воду, рождение которой от льда и снегов видел сегодня там, наверху.

Будь его воля, он так никогда и не прекратил бы скитаний и все ездил бы, ездил, опоясывая землю ма-

ленькими дробными следами копыт своего ишака. Но человек, имеющий жену, должен иметь и потомство; Ходжа Насреддин не уклонялся от этого правила: на четвертый год супружеской жизни Гюльджан подарила ему четвертого сына. Радовался Ходжа Насреддин, радовалась Гюльджан, шумно ликовали, хлопая в ладоши, братья новорожденного, торжествуяще ревел белый ишак, оповещая всех двуногих в перьях и без перьев, всех четвероногих, всех плавающих и ползающих о приходе в мир молодого хозяина. Только серый ишак не радовался, хмуро передергивал ушами и смотрел в землю, не замечая весенней красоты, щедро разлитой вокруг.

Через месяц тронулись дальше — Гюльджан на своем белом ишаке, а Ходжа Насреддин на сером. Перед Ходжой Насреддином, на самой холке ишака сидел старший сын, второй сидел позади, на крестце ишака, и забавлялся тем, что, поймав и загнув к себе ишачий хвост, выбирал из кисточки застрявшие в ней репьи; третий сын ехал в правой переметной суме, а четвертого уложили в левую.

— Гюльджан, мой ишак что-то скучает в последнее время, — сказал Ходжа Насреддин. — Уж не заболел ли он, спаси нас аллах и помилуй от подобного бедствия!

— Купи на следующем базаре хорошую плетку, и он сразу повеселеет, — посоветовала Гюльджан.

Ишак, внимая этим речам, только вздыхал, ропща в душе на своего хозяина.

Минул год. Снова пришла весна, южный ветер открыл цветы абрикосов, сады залились бело-розовой пеной цветения, наполнились пискom, свистом, щебетом и чириканьем, арыки выступили из берегов и по ночам гудели гулко и полно, как трубы. Однажды на привале серый ишак, пощипывая свежую весеннюю траву, взглянул на Гюльджан и заметил, что она как

будто опять пополнела. Убедившись в справедливости своих подозрений, он заревел, оборвал веревку и кинулся в сторону, ломая кусты.

Только тогда Ходжа Насреддин догадался о причине грустной задумчивости длинноухого.

— Моя прекрасная Гюльджан, — сказал он, — будет справедливо, если ты возьмешь двух последних сыновей к себе, на белого ишака.

С тех пор заскучал уже белый ишак, а серый, наоборот, поставя уши торчком, крутя и размахивая хвостом, бойко перебирал по дороге копытами.

Но прошло еще два года — и скучать начали оба ишака.

— Может быть, купим третьего? — предложила Гюльджан.

— О моя несравненная роза, ведь если так будет продолжаться, то скоро за нами пойдет целый караван! — ответил Ходжа Насреддин. — Нет, я вижу, годы странствий окончились для меня, пришли годы созерцания и размышления.

— Слава аллаху! — воскликнула Гюльджан. — Наконец ты догадался, что в твоём возрасте и с таким семейством неприлично болтаться по дорогам, подобно какому-то бездомному бродяге. Мы поедем в Бухару, поселимся у моего отца...

— Подожди, — остановил ее Ходжа Насреддин, — ты забыла, что в Бухаре царствует все тот же пресветлый эмир, и он, конечно, помнит своего придворного звездочета Гуссейна Гуслию. Поселимся лучше где-нибудь здесь, в Коканде или в Ходженте.

С бугра, где он поставил в этот день свой шатер для ночлега, были видны две дороги: одна — большая, торговая, на Коканд, вторая — узенькая, проселочная, к Ходженту. По большой кокандской дороге, в тяжелом облаке пыли, медленно катился темный гудящий поток верблюжьих караванов, арб, всадников,

пешеходов; ходжентская дорога была пустынной, тихой, и высокое небо над нею чуть розовело, окрашенное прозрачным светом зари.

— Поедем в Коканд, — сказал Ходжа Насреддин.

— Нет, поедем лучше в Ходжент, — ответила Гюльджан. — Я устала от больших городов, от шумных базаров, я хочу отдохнуть в тишине.

Он понял свою ошибку: желая попасть в Коканд и зная природу супруги, следовало предложить ей Ходжент. «В такое захолустье!» — воскликнула бы она, и утром они направились бы по большой дороге. Но исправлять ошибку было поздно, а спорить даже опасно, ибо права старинная пословица: «Кто спорит с женой — сокращает свое долголетие».

Вздохнув, Ходжа Насреддин сказал:

— Я был когда-то в Ходженте и до сих пор помню вкус тамошнего знаменитого винограда. Хорошо, пусть будет по-твоему...

И они поселились в Ходженте, в слободе лепешечников Раззок, на самом берегу Сыр-Дарьи. Великая река, кормилица бесчисленных поколений, вырвавшись из тесных ущелий в долину, смиряла здесь бешеный напор своих желтых клокочущих вод и у Ходжента шла плавно, могуче, даруя жизнь растениям, животным и людям и усыпляя по ночам детей Ходжи Насреддина тихим журчанием струй, подмывающих глинистый берег.

В те годы, о которых идет здесь речь, от былой славы Ходжента и от его богатств ничего уже не осталось. Теперь это был маленький дремлющий городок, населенный мелкими лавочниками, садоводами, огородниками и множеством дряхлых чалмоносных стариков — отставных мулл, мударрисов, улемов и кадиев. Старики молились в мечетях, старики сидели в чайханах, бродили по улицам, переулкам и площадям, наполняя город немощным кашлем и шарканьем ту-

фель, отстающих от пяток. Такое скопление стариков в одном городе было удивительным, — казалось, все они тайно сговорились отдать свой прах только желтой ходжентской земле и с этой целью съехались сюда со всех концов мусульманского мира.

Опоясанный со всех сторон многоводными арыками, защищенный горами от холодных ветров, Ходжент с его садами и виноградниками был истинным раем для всякого, утомленного бурями жизни, — вот почему ходжентцы никогда не уставали благодарить аллаха за великое счастье жить в таком благословленном месте.

Один только человек во всем городе думал иначе — некий Узакбай, бывший базарный надзиратель из Самарканда. Впрочем, этот Узакбай был вообще странным и неприветливым человеком: всегда носил большие темные очки, закрывавшие наполовину его лицо, ни с кем не сходиллся, не разговаривал, нигде не бывал в гостях и никого не приглашал к себе. Такая необщительность подсказала соседям вывод, что он носит в себе темную душу, отягощенную многими злодеяниями. Мальчишки шарахались от него в стороны, крича из-за углов и заборов: «Филин! Очкастый филин!..» А он все молчал, покачивая только головой и невесело улыбаясь этому прозвищу.

Да, под личиною Узакбая скрывался Ходжа Насреддин. Он знал: в этом тесном городке, где каждый человек на виду, достаточно ему ошибиться в одном слове, сделать один неверный шаг — и на его семью обрушится целый самум! Пришлось закрыть лицо темными очками, принять чужое имя, распугать нелюдимостью соседей и, совершив все это, почувствовать Ходжент угрюмой тюрьмой, а себя самого — несчастным и обездоленным на земле.

Он горько сетовал на аллаха, который вложил в его душу два противоречивых и взаимовраждебных на-

чала: неистребимую страсть к бродяжничеству и горячую любовь к семье. Раздираемый этими силами надвое, он был истинным мучеником, тем более что свои страдания скрывал на самом дне сердца. Кому он мог пожаловаться, с кем поделиться? С Гюльджан, верной и горячо любимой подругой? Но в ней-то как раз и воплотилась одна из раздирающих сил; воплощением же второй был ишак, мирно дремавший и толстевший над своей кормушкой. И хотя ишак был лишен дара человеческой речи, только перед ним по ночам и мог излиться несчастный страдалец.

А наступающий новый день был похож на вчерашний. Ходжа Насреддин опять надевал очки, сквозь которые само солнце казалось ему темным и тусклым, и шел на базар за покупками. Вернувшись, принимался за всякие мелкие дела по хозяйству — во дворике, в саду либо в сарае.

Но вечер всегда и безраздельно принадлежал ему. Семья ужинала без хозяина; он в это время сидел в одной окраинной чайхане на берегу Сыр-Дарьи.

Это была самая убогая, самая грязная во всем Ходженте чайхана, посещаемая только нищими, ворами, бродягами и прочим городским сбродом. Но зато здесь Ходжа Насреддин чувствовал себя в безопасности.

Чадно дымили плошки с бараньим жиром. Рябой чайханщик — скупщик краденого, с перебитым носом и бесстыдно задранными дырами ноздрей, суетился перед кипящими кумганами. Скоро начинали собираться и гости. Наполняя воздух отвратительной вонью своих невероятных лохмотьев, происхождение которых не взялся бы определить даже сам верховный вождь цыганских племен люли, в тубетейках, засаленных до того, что их можно было поджаривать, горбатые, хромые, слепые, расслабленные, с жилами, пораженными трясучкой, в коросте и язвах, с палками и на костылях, гости со всех сторон ползли в чайхану

и с криками, бранью, спорами начинали обсуждать дневные дела, свои грошовые удачи и промахи. Глядя на всю эту гольтьбу, копошащуюся в тусклом свете коптилок, Ходжа Насреддин горько думал: «Вот все, что осталось мне от большого и прекрасного мира!»

А мир лежал перед ним — широкий, просторный, открытый во все концы... Заря меркла, сумерки сгущались, затихшая река дышала прохладной свежестью — мир покорялся ночи, и звезды, разгораясь, все чище, ярче, отдалялись от сквозной воздушной черноты неба и тянули к земле дрожащие хрустальные нити — «струны ангелов», как сказал бы Хафиз.

Ходжа Насреддин не спешил домой. Половина гостей уже храпела вповалку на грязном полу, чайханщик тушил огни под кумганами, уже начиналась по всему городу первая сонно-певучая переключка петухов, а он все сидел, все думал, пытаюсь найти выход, который бы примирил в его душе две уже упомянутые взаимовраждебные силы и освободил бы его из ходжентского нестерпимого плена.

Он и сам еще не знал в это время, что его ходжентский плен уже кончился: в душе созрела решимость и ждет минуты, чтобы подняться в разум, а затем претвориться в дела; ему, как нависшей лавине, не хватало только толчка.

Глава 2

Наконец судьба послала ему одну удивительную встречу, послужившую началом событий.

Направляясь по вечерам в чайхану, Ходжа Насреддин всегда проходил мимо одного глухонемого нищего, сидевшего под камышовым навесом у входа в старую, полуразвалившуюся мечеть Гюхар-Шад. По виду это был самый обыкновенный нищий, ничем не